

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

ОБ АТЛАСЕ БЕЛОРУССКИХ ГОВОРОВ В ПОЛЬШЕ

На северо-востоке Польши, в Белостокском воеводстве, часть населения говорит по-белорусски. Наиболее сходными с белорусским языком являются говоры Дубровского, Сокольского и Белостокского поветов (районов). В говорах, находящихся к югу от реки Наревы, встречаются украинские черты. Во многих деревнях наблюдается билингвизм, белорусские говоры сосуществуют с польскими.

Исследование белорусских говоров Белостокского воеводства с целью создания лингвистического атласа началось по инициативе и под научным руководством А. Обрембской-Яблонской. С 1957 г. оно ведется сектором белорусской филологии Института славяноведения ПАН в Варшаве (до 1969 г. заведующим сектора была А. Обрембская-Яблонская, в настоящее время — Я. Сятковский). Подготавливается к изданию «*Atlas gwarowy wschodniej Białostoczczyzny*».

Обследуемая территория занимает приблизительно 7000—8000 кв. км. Изучены говоры 110 населенных пунктов, которые находятся один от другого в среднем на расстоянии свыше 9 км (частота обследованных населенных пунктов в среднем — один населенный пункт на 70 кв. км; см. карту 1). Густота сетки обследованных пунктов не везде одинакова, однако отклонения от среднего расстояния между соседними пунктами небольшие. В части пунктов белорусские говоры сохранились полностью, ими пользуются все жители деревни, в других пунктах на белорусском диалекте говорит только старшее поколение. При сборе материала обследовались все пункты сетки, даже и в тех случаях, когда на белорусском языке говорит хотя бы один уроженец.

Собирание диалектных материалов началось по программе, изданной АН БССР в 1950 г. в Минске¹.

Эта программа хорошо отражает особенности и проблемы белорусской диалекто-

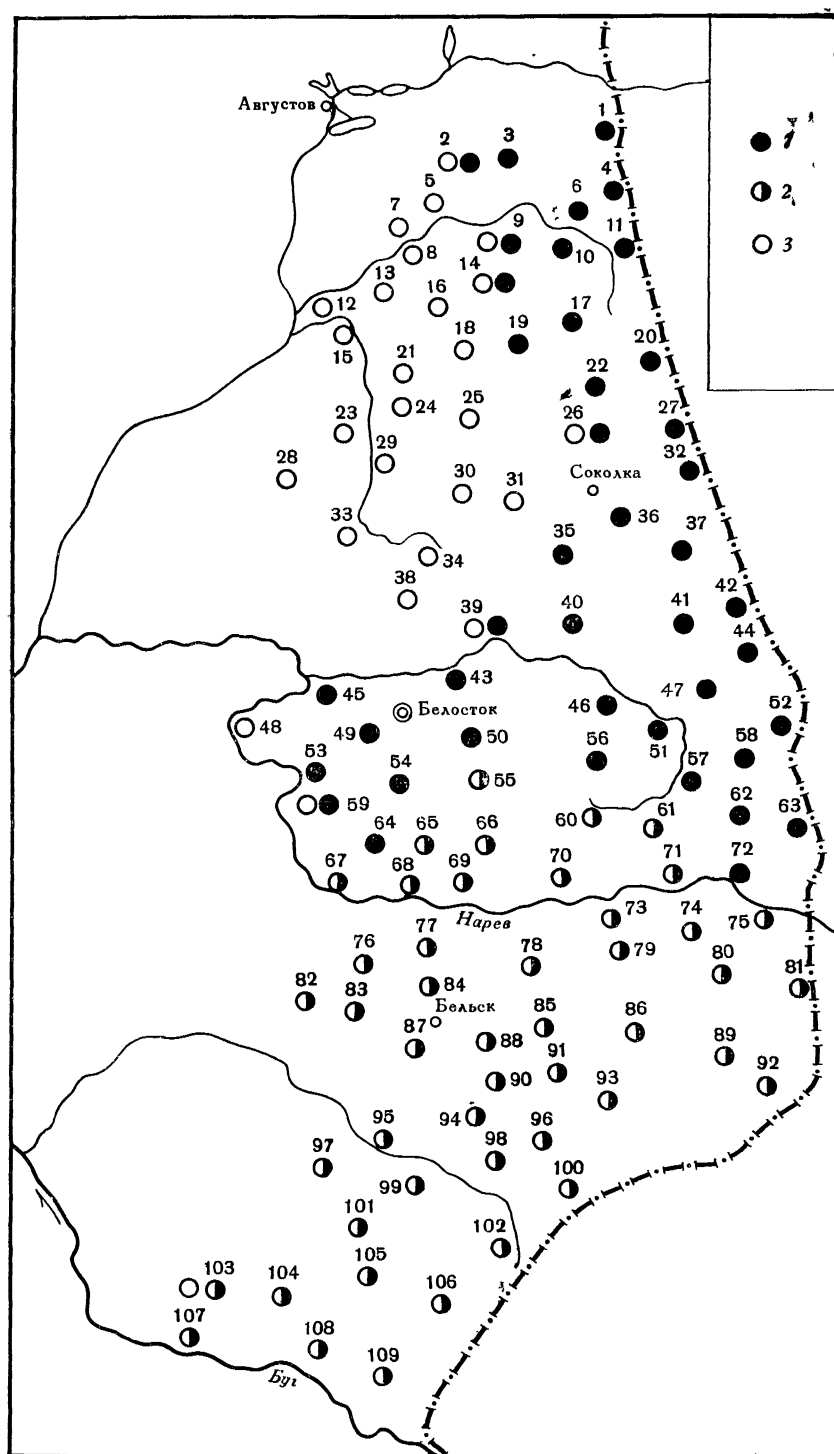
логии. Однако вскоре выявилась необходимость корректирования ее с учетом местных условий. С этой целью был подготовлен новый вопросник, в котором вопросы группировались по тематическим группам, охватывающим разные стороны деревенской жизни — такие, как животноводство, земледелие, обработка льна, хозяйственные постройки, одежда, предметы домашнего обихода и т. д. Вопросник имеет лексический уклон, но его словарный состав подобран так, чтобы можно было получить сведения по фонетике и морфологии. Для многих слов есть вопросы о флективных формах. Таким образом, почти все требования минской программы в новом вопроснике учтены, причем лексическая часть его значительно расширена. Всего в нем около 1700 вопросов. Однако на деле под одним номером нередко дается несколько вопросов о разных флективных формах, и таким образом всего оказывается свыше 2000 вопросов. На последнем этапе работы было прибавлено еще более 100 вопросов.

Исследователи стремились по мере возможности зафиксировать говор самого старшего поколения, однако не всегда удавалось сделать это последовательно.

В собирании материала для Атласа принимало участие более десяти человек: научные сотрудники сектора белорусской филологии Института славяноведения ПАН, сотрудники, выпускники и студенты кафедры белорусской филологии Варшавского университета и др. Участие отдельных лиц в сборе материала было не одинаковым: два научных сотрудника собрали около 65% всего материала, два других — около 20%, все остальные — около 15%. Пять населенных пунктов обследовали подготовленные в области диалектологии бывшие коренные жители этих деревень, материал 3 пунктов коллективно собрали студенты. Сомнительные материалы проверялись впоследствии на местах.

В качестве информаторов отбирались уроженцы данных деревень, люди старшего поколения. Однако там, где белорусский язык мало употребляется, возможности подбора информаторов были

¹ «Праграма па вывучэнню беларускіх гаворак і збіранню звестак для складання дыялекталогічнага атласа беларускай мовы», Мінск, 1950.

Карта 1. Название валька: 1 — прāник; 2 — прāч, 3 — клāнка

ограничены. Как правило, из одной деревни было несколько информаторов, и только в некоторых пунктах был опрошен один информатор.

Использовались разные методы опроса. Важно было, чтобы информатор хорошо понял, о каком предмете идет речь. Если была возможность, исследователь показывал предмет, спрашивая его название.

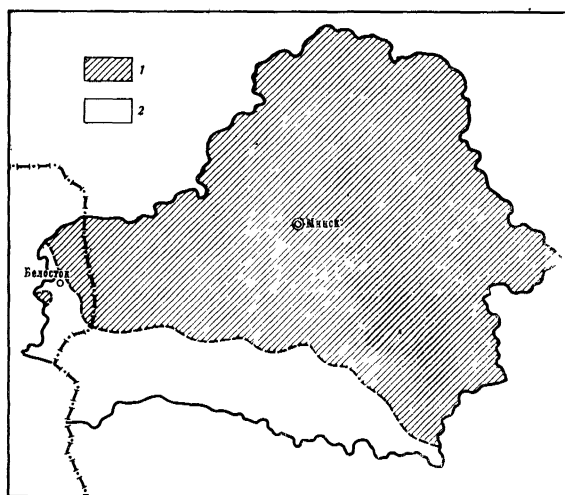
В соответствии с подготовленным проектом в Атлас войдет 500 карт, которые будут изданы в нескольких томах. I том Атласа, кроме вступительных статей и справочных материалов, будет содержать карты по фонетике. На них будут показаны ареалы распространения аканья, яканья, цеканья и дзеканья, отвердения согласных, мазураканья и т. д. На некоторых картах будут представлены примеры лексикализованных фонетических явлений. В следующие тома будут включены карты морфологические, лексические и относящиеся к словесному ударению. Большую часть Атласа, т. е. около 300 карт, будут составлять лексические карты. Каждый том Атласа будет сопровождаться комментариями к картам. Карт по синтаксису не предполагается. Конечно, в Атласе найдут отражение не все собранные материалы; они будут храниться в Институте славяноведения ПАН в Варшаве и будут открыты для исследователей.

Подготавливаемый Атлас говоров, с одной стороны, будет территориальным продолжением «Диалектологического атласа белорусского языка»²; с другой — это областной атлас, в котором широко учитывается местная проблематика.

Территориальное соотношение обоих атласов показано на карте 2. На ней дана изоглосса аканья на территории БССР и ее продолжение на территории Белостокского воеводства.

Одна из специфических областных проблем атласа — вопрос о взаимовлиянии белорусского и польского языков. Эти явления особенно многочисленны в лексике. Ареалы распространения некоторых лексем не всегда совпадают с территорией распространения данного языка. Здесь могут наблюдаться различные отклонения.

На карте 1 представлен случай, когда польское название выступает на территории белорусских говоров. Из трех назва-

Карта 2. Аканье в первом предударном слоге:
1 — аканье; 2 — оканье

ний валька: *пранік*, *прач*, *кьянка* — последнее является польским по происхождению. В ДАБМ на соответствующей карте 252 выступают только два названия: *пранік* и *прач*.

Бывает и наоборот. Белорусское название чибиса («*Vanellus vanellus*») *княгаўка* (*княгу́та*, *кня́га*) выступает не только на территории польско-белорусского двуязычия, но и на территории собственно польского языка. Может быть и так, что польское название какого-нибудь предмета выступает в некоторых белорусских говорах, а белорусское название этого же предмета в некоторых польских, ср. диалектн. польск. *таўчка* и белорусск. *бб́йка* «посуда для сбивания масла».

Много внимания в атласе отводится полосе переходных белорусско-украинских говоров.

В Атласе говоров восточной части Белостокского воеводства не будут полностью картографироваться языковые явления, представленные на картах ДАБМ: для части из них в белорусских говорах Белостокского воеводства диалектных различий не наблюдается. Так, например, «утка» на территории БССР имеет название: *ка́чка*, *у́тка*, *у́тва* (ДАБМ, карта 297). В белостокских говорах выступает только *ка́чка* и его фонетический вариант *ка́чка*. Это будет отражено не на карте, а в комментариях. В случае необходимости такой материал будет использован для иллюстрации соответственного фонетического явления (например, *ка́чка*, *ка́чка* для мазураканья). Все слова, по которым не имеется диалектных различий, будут перечислены в отдельном списке.

С другой стороны, в Атлас войдут карты, которых нет в ДАБМ. Некоторые из них будут соответствовать картам бело-

² «Дзялекталагічны атлас беларускай мовы», пад рэд. Р. І. Аванесавы, К. К. Крапівы і Ю. Ф. Мацкевіч, Мінск. 1963 (далее — ДАБМ).

русского лексического атласа, над которым сейчас ведутся работы в Минске.

Польские говоры восточной части Белостокского воеводства картографировались в «Малом атласе польских говоров»³. Однако большинство картографированных там явлений можно понять только в их связи с белорусской средой, после получения подробных данных о белорусских говорах этого района.

Таким образом, перед Атласом белорусских говоров восточной части Белостокского воеводства ставятся следующие цели:

1) зафиксировать данные о говорах, которые на части исследуемой территории уже исчезают;

2) пополнить в территориальном отношении «Диалектологический атлас белорусского языка», изданный в 1963 г., иначе говоря, продолжить изоглоссы этого атласа;

3) дать сведения о полосе переходных белорусско-украинских говоров. В этих говорах сохранилось много архаизмов, что дает возможность изучать языковые процессы на разных стадиях их развития;

4) представить данные, необходимые для исследования польско-белорусских языковых контактов, в частности, особенностей польского языка на белорусском субстрате;

5) отразить факты влияния литовского языка на говоры восточной части Белостокского воеводства.

С. Глинка, М. Кондратюк, И. Савицкая

Перевел с польского М. Кондратюк

*

Важным моментом в деле разработки практических и теоретических вопросов сопоставительной грамматики современных языков явилась Международная конференция, организованная Печским высшим педагогическим институтом и состоявшаяся 14—16 октября 1971 г. в г. Пече (Венгерская Народная Республика). На конференции, в которой приняли участие ученые восьми стран, было прослушано свыше 60 докладов и содокладов.

Во вступительном слове зам. директора Института языкознания Венгерской Академии наук Кираль П., отметив вполне понятные трудности в разработке обсуждаемой проблематики, обратился к участникам конференции с призывом

интенсивнее вести исследования в области сопоставительной лингвистики, всячески развивая международное сотрудничество ученых.

Разработанный совместно с В. Немецром (Вапшингтон) доклад на тему о типологии языков и сопоставительной грамматике прочитал Деже Л. (Будапешт). В докладе рассматривались современные возможности использования достижений типологии в сопоставительном языкознании и, в частности, при разработке усовершенствованной методики обучения иностранному языку; особое внимание было уделено также соотношению синхронной и диахронической типологии. Этот основной доклад сопровождался содокладами на тему о методике сопоставления венгерского и сербскохорватского языков (М. Микеш, Новый Сад, СФРЮ), о функциональных моментах в сопоставительном исследовании (Деже Л., Сегед, ВНР), о некоторых вопросах сопоставительных моделей изучения языков (Я. Банцеровский, Будапешт), об интерференции родного языка и сопоставительном описании фонологии двух языков (В. Мах, Прага), о роли латинского языка при усвоении иностранных языков (Бахат Л., Ниредьхаза, ВНР).

Далее работа конференции продолжалась в секциях — славянских, германских и романских языков.

На заседаниях секции славянских языков обсуждалась проблематика, касающаяся взаимоотношений и сопоставления русского, украинского, словацкого, сербскохорватского языков с венгерским и другими иносистемными языками.

В докладе П. Н. Лизанца (Ужгород, СССР), посвященном венгерско-украинским межязыковым контактам, лексическое взаимопроникновение украинского и венгерского языков рассматривалось в неразрывной связи с историей народов-носителей этих языков.

Бихари Й. (Эгер, ВНР) поделился мыслями о некоторых важнейших проблемах двуязычия, Ференци Д. (Будапешт) проанализировал особенности русского газетного текста информативного характера. Бано И. (Будапешт) рассказал о некоторых проблемах методики лексического сопоставления при обучении иностранному языку.

В сообщении о подготавливаемом русско-венгерском словаре глаголов Палл Э. и Саламин Э. (Сегед) обратили внимание на практическое значение коллективного академического исследования, которое открывает широкие возможности для изучения русского языка иностранцами.

М. Панаук (Братислава, ЧССР) критически проанализировал в плане сопоставительного исследования русского и

³ «Mały atlas gwar polskich», I—XIII, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1957—1970.

словацкого языков новые программы и методические указания по обучению русскому языку и литературе в средних общеобразовательных школах Словацкой Социалистической Республики. То в е л ь д и Г. (Печ, ВНР) в докладе о роли и месте сопоставительной грамматики в обучении иностранным языкам подвел некоторые итоги современным исследованиям, пытаясь определить предстоящие задачи и способы работы в этой области.

О функциональных вариантах языка говорил в докладе П е т е р М. (Будапешт), об особенностях сопоставления глаголов действия в русском и венгерском языках сообщил Г а й ц е р Л. (Печ), о методах сопоставительного исследования грамматики словацкого и венгерского языков доложил Я. Г о р е ц к и й (Братислава, ЧССР), сопоставительному исследованию категории определенности посвятила свой доклад К. Б у з а ш и о в а (Братислава), о взаимных словацко-венгерских языковых влияниях проинформировал участников конференции Ф. Ш и м а (Братислава), проблему «общих слов» в речевой практике двуязычия рассмотрел М о к у т е р И. (Будапешт).

Вопросам анализа сопоставимых явлений в венгерском и сербскохорватском языках были посвящены доклады М. М и к е ш (Новый Сад), Й. Б у л ь о в и ч а (Суботица, СФРЮ) и Й. В а й д ы (Суботица).

Подчеркивая лингвистическое и методическое значение элементов сопоставления при обучении иностранным языкам, И. Б е р т о к (Братислава) в докладе о методах сопоставления венгерского и словацкого языков особо остановился на генеалогически обусловленных морфологических различиях этих языков, проследив затем подобные различия в синтаксисе и фонетике. Такие различия требуют своеобразного подхода как при переводе, так и при изучении грамматики и стилистики этих двух языков.

Участники конференции приняли решение интенсивнее разрабатывать теоретические и практические вопросы обучения иностранным языкам, а также шире использовать результаты научно-исследовательских работ по сопоставительной лингвистике в педагогической деятельности.

Материалы конференции будут опубликованы в специальном сборнике.

М. Павук (Братислава)

*

24 февраля 1972 г. в Институте языкознания АН СССР состоялось совместное заседание Бюро Научного совета по

комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций», секторов социальной лингвистики и кавказских языков, посвященное памяти одного из выдающихся лингвистов-кавказоведов доктора филологических наук проф. Е. А. Б о к а р е в а.

Открывая заседание, В. Н. Я р ц е в а подчеркнула разносторонность исследовательских интересов Е. А. Бокарева (иберийско-кавказское языкознание, общее языкознание, интерлингвистика, социальная лингвистика).

В докладе Ю. Д. Д е ш е р и е в а «Основные направления лингвистической деятельности Е. А. Бокарева» указывалось, что ученый разрабатывал проблемы синхронного, сравнительно-исторического, типологического исследования дагестанских языков, комплексные проблемы иберийско-кавказского и общего языкознания, социолингвистики, интерлингвистики, прикладной лингвистики, педагогики и т. д. Наиболее значительными являются труды Е. А. Бокарева по горским дагестанским языкам¹. В области социальной лингвистики Е. А. Бокарев уделял особое внимание прикладным вопросам социолингвистики в связи с созданием письменности для ранее бесписьменных языков. Ученый активно участвовал в создании алфавитов, в разработке терминологии. Будучи одним из признанных теоретиков эсперанто, Е. А. Бокарев занимал правильную позицию в социальной оценке эсперанто, в определении места интерлингвистики среди лингвистических дисциплин.

С. М. Х а й д а к о в в докладе «Исследования Е. А. Бокарева по дагестанским языкам» отметил большое теоретическое значение, которое имеют попытки ученого восстановить систему общедагестанского языка.

М. И. И с а е в в докладе «Интерлингвистические взгляды Е. А. Бокарева» отметил, что в области интерлингвистики Е. А. Бокареву принадлежат весьма интересные работы². Е. А. Бокарев обосновывал возможность применения вспомогательного языка наряду с другими сферами и в сфере художественной литературы.

¹ Е. А. Б о к а р е в, Цезские (дидойские) языки Дагестана, М., 1959; е г о ж е, Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков, Махачкала, 1961.

² См.: О. С. А х м а н о в а, Е. А. Б о к а р е в, Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема, ВЯ, 1956, 6; А. Б е р г, Д. А р м а н д, Е. Б о к а р е в, 64 языка... и еще один, Лит. газ. 28 VIII 68; «Русско-эсперантский словарь» (под ред. Е. А. Бокарева), М., 1966, и др.

М. А. К у м а х о в говорил о большом внимании Е. А. Бокарева к вопросам описательной грамматики, принципам ее построения. В его трудах глубокое освещение получили проблемы частей речи, склонения, соотношения эргативной и номинативной конструкций предложения в дагестанских языках.

А. К. Ш а г и р о в остановился на изучении Е. А. Бокаревым лексики многочисленных языков Дагестана: в фундаментальном труде исследователя «Цезские (дидойские) языки» содержится анализ словарного состава всех пяти бесписьменных цезских языков, а в «Материалах к словарю гунизского языка»³ дан краткий гунизско-русский и русско-гунизский словарь с пометами исследователя характеров.

Э. Г. Т у м а н я н говорила о месте компаративистики в научном наследии Е. А. Бокарева, который считал, что внутригрупповое родство кавказских языков доказано, а межгрупповое родство нуждается в достаточно обоснованных материальных данных. Исходя из звуковой системы праязыка, Е. А. Бокарев определил фонетические процессы, которые были характерны для развития каждого из дагестанских языков в отдельности, начиная с момента распада праязыка.

Т. И. Д е ш е р и е в а отметила большую роль фонологических исследований в творческом наследии Е. А. Бокарева, в ряду которых особое место занимает «Сравнительно-историческая фонетика восточно-кавказских языков», законченная в 1968 г. и пока неопубликованная. Это чисто фонологическое исследование, задачей которого явилась реконструкция фонологической системы нахско-дагестанского праязыка и определение основных закономерностей развития этой системы в дагестанских языках.

Д. Л. А р м а н д указал основные этапы в эсперантистской деятельности Е. А. Бокарева, который первым из советских ученых был избран членом Международной эсперантистской академии.

Г. А. К л и м о в подчеркнул, что Е. А. Бокарев через всю свою научную деятельность пронес интерес к проблематике теоретического языкознания. Он разрабатывал вопросы методики описательного и сравнительно-исторического анализа бесписьменных языков, теории грамматики, разные аспекты проблемы «Язык и общество».

В. П. Г р и г о р ь е в отметил необходимость подготовки рукописи эсперанто-русского словаря в качестве итогового издания, так как замысел этого словаря был очень глубок и автору удалось его осуществить.

Участники заседания единодушно отметили необходимость публикации неизданных трудов Е. А. Бокарева.

В. Ю. Михальченко (Москва)

*

18—19 апреля 1972 г. в Ленинграде состоялось расширенное пленарное заседание Научного совета по лексикологии и лексикографии Отделения литературы и языка АН СССР совместно с Институтом русского языка АН СССР и ЛО Института языкознания АН СССР. На заседании обсуждался Проспект нового академического словаря русского языка¹.

Во вступительном слове Ф. П. Ф и л и н (Москва) отметил, что успешное развитие словарного дела может осуществляться только при постоянной заботе о завтрашнем дне лексикографии. Наряду с изданием словарей, надо постоянно вести подготовительную работу над новыми словарями русского языка.

А. М. Б а б к и н (Ленинград) сообщил, что в Проспекте выдвинут ряд предложений и даны конструктивные решения по узловым и существенным для замысла нового словаря вопросам — таким, как хронологические границы словаря, его нормативность, состав словника, подача фразеологии и др. Рассказав о структуре нового словаря, истолковании значений слов и их употреблении, иллюстративном материале, А. М. Бабкин отметил всю важность этого лексикографического предприятия.

О хронологических рамках будущего словаря говорили почти все выступающие. По замыслу, новый словарь включит лексику «от Пушкина до наших дней». Е. А. В а с и л е в с к а я (Москва), И. С. И л ь и н с к а я (Москва), Д. С. Л и х а ч е в (Ленинград), Н. П. Л о б а н (Минск) и др., отметили, что хронологические границы в Проспекте в общем намечены правильно, рекомендовали все же их уточнить. Следует, в основном, ориентироваться на то, что словарь должен представить словарный инвентарь наших дней.

Говоря о словнике будущего словаря, участники заседания обменялись мнениями по вопросам включения в словарь лексики разных пластов. А. С. Ч и к о б а в а (Тбилиси), Ф. А. А б р а м о в (Москва), Г. Г. М у с а б а е в (Алма-Ата), В. В. А к у л е н к о (Харьков) предло-

³ См. сб. «Вопросы изучения иберийско-кавказских языков», М., 1961.

¹ А. М. Б а б к и н, Новый академический словарь русского языка. Проспект, Л., 1971.

жили смелее вводить в новый словарь народные слова, лексику и фразеологию из разговорно-речевой стихии. Широко обсуждался вопрос об отборе для нового словаря специальной лексики из разных областей науки и техники. Ф. А. Абрамов считал правильной установку Проспекта вводить в словарь наиболее употребительную научную лексику. Отбор терминов в новый словарь должен опираться на экспериментальные данные (В. П. Берков, Ленинград), на данные распределительных словарей (Н. А. Андреев, Ленинград). При отборе терминов в толковый словарь предлагалось ориентироваться на учебники для средней школы (А. С. Чикобава, Л. С. Паламарчук, Киев), учитывать широту употребления термина в разных науках (Н. Д. Андреев) и вхождение его в круг общеупотребительной лексики (Е. Н. Толикина, Ленинград), ограничиваться только терминами, которых нет в специальных справочниках (Д. С. Лихачев).

По вопросу о включении архаизмов были высказаны разные мнения. И. С. Ильинская считает, что известная часть архаической лексики пушкинской эпохи должна быть в новом словаре, так как без нее нельзя будет понимать художественную литературу той поры. Л. И. Ройзензон (Самарканд), Р. Р. Гельгардт (Калинин), Р. М. Цейтлин (Москва) говорили о том, что лексика и фразеология Пушкина и его современников, перемедшая сейчас в пассивный фонд, не должна входить в новый словарь. Участники заседания — представители национальных республик З. Б. Мухамедова (Ашхабад), Г. Г. Мусабаев, Л. С. Паламарчук и др. подчеркнули важность выработки хорошего словника нового словаря как будущей основы для составления русско-национальных словарей.

В ходе заседания обсуждалась также структура словарной статьи. Е. А. Василевская высказалась в пользу того, что в одной статье следует помещать видовые пары глаголов, парные соответствия типа *лифтер-лифтерша* и др., но не прилагательные и наречия; она предложила показать в словарной статье стилистическое функционирование слова. Н. П. Лобан рекомендовал расширить в словарной статье показ сочетаемости. О необходимости грамматического, акцентуационного комментария в словарной статье, а также указаний на социальную сферу применения слов говорил В. В. Акуленко. Разработке производных слов в словаре посвятила свое выступление Е. А. Иванникова (Ленинград). О лексикографической разработке глагольного вида говорил А. В. Бондарко (Ленинград). А. К. Рейцак (Таллин) предложила увеличить информацию о слове за счет

включения в словарную статью дополнительных сведений: латинское обозначение названий растений и животных, параллельные интернациональные названия или формулы к русским названиям химических элементов.

Вопросу литературной нормы и отражению ее в новом словаре русского языка уделили внимание академики А. С. Чикобава и Д. С. Лихачев, писатели Ф. А. Абрамов и Л. В. Успенский (Ленинград) и др. Вопрос об изменчивости литературной нормы обсуждался в выступлениях Л. И. Ройзензона, Д. И. Арбатского (Ижевск), Р. Р. Гельгардта, Л. С. Паламарчука и др. В. В. Акуленко полагает, что норму для будущего словаря нужно определять перспективно.

Каким должно быть толкование слов в новом словаре? По мнению Г. Г. Мусабаева, в новом словаре должен присутствовать элемент энциклопедизма, и многие слова (особенно — редкие) требуют более широкого толкования и объяснения, чем это до сих пор делалось в словарях. В. Г. Гак (Москва) считает, что определения слов в новом словаре совершенно необходимы, но они должны быть просты. А. С. Чикобава предлагает использовать разные типы толкований слов. А. А. Оруджев (Баку), И. С. Ильинская рекомендовали основательно пересмотреть существующую систему стилистических помет для нового словаря. Д. И. Арбатский призывал повысить научный уровень определений, а также обратить внимание на дифференцированное толкование слов.

Об объеме и характере словарной статьи говорили В. П. Берков, А. П. Енгеньева (Ленинград) и др. Касаясь вопроса иллюстрирования слов в новом словаре, отбора источников, из которых берутся цитаты, большинство выступавших высказалось за экономную подачу иллюстративного материала, одобрив использование словосочетаний для иллюстрирования.

В Проспекте было выдвинуто предложение об отделении фразеологии от лексики и их самостоятельной разработки в отдельных томах (9—10 томов будет посвящено лексике и 2—3 — фразеологии). Выступавшие по этому вопросу заняли полярные точки зрения. Одни [Е. А. Василевская, Г. К. Гаспарян (Ереван), Л. И. Ройзензон, А. В. Кунин (Москва)] одобрили раздельную подачу лексики и фразеологии, другие [Г. Г. Оруджев, И. С. Ильинская, А. С. Чикобава, М. Н. Чабашвили (Тбилиси), Д. С. Лихачев, Л. С. Паламарчук, З. М. Магруфов и Г. Н. Михайлов (Ташкент), Н. П. Лобан] сочли такую подачу фразеологии неудобной, затрудняющей пользование данным словарем.

Подводя итоги, Ф. П. Ф и л и н сказал, что характер будущего словаря вырисовывается довольно четко. Он должен быть нормативным, т. е. в нем должны быть слова, отвечающие нормам современного словоупотребления. Новый словарь будет создаваться на базе произведений как современных писателей, так, безусловно, и на произведениях классиков, начиная с Пушкина. Естественно, за пределами словаря останутся архаизмы и то, что умерло, не выдержав испытания временем. В новом словаре будет отражена та часть терминологии из области науки и техники, которая прочно вошла и входит в нашу жизнь. Будущий словарь должен значительно превзойти 17-томный словарь по количеству слов. Однако увеличения числа томов не произойдет. Читатель получит компактный академический словарь. Объем словаря сократится до 10—12 томов. Материал будет подан более экономно, концентрированно. Например, длинные цитаты уступят место коротким словосочетаниям, будут использованы и другие лексикографические приемы экономной подачи материала.

В заключительном слове А. М. Б а б к и н поблагодарил выступивших за пожелания и рекомендации, которые были высказаны в ходе обсуждения. Он сказал, что материал заседания будет обсуждаться и изучаться в коллективе ленинградских лексикографов и все ценное будет учтено при работе над новым словарем.

Участники совещания приняли решение опубликовать материалы расширенного пленарного заседания и возобновить издание «Лексикографических сборников» (Бюллетеней).

В. Н. Сергеев (Ленинград)

*

Заседание Сектора кавказских языков Института языкознания АН СССР 23 мая 1972 г. было посвящено 80-летию со дня рождения одного из крупнейших советских кавказоведов Н. Ф. Я к о в л е в а.

Во вступительном слове Г. А. К л и м о в подчеркнул, что творческое наследие Н. Ф. Яковлева, которому была свойственна основательность в систематизации языкового материала, широта научных интересов, сохраняет свою актуальность и в настоящее время. Безусловны заслуги Н. Ф. Яковлева в области фонологии (критика психологизма фонемы), известны его работы по глоттогонической проблематике, по вопросу о генезисе эргативной конструкции предложения. В сфере лингвистических интересов Н. Ф. Яковлева были абхазо-адыг-

ские языки, нахские, некоторые дагестанские. Н. Ф. Яковлеву принадлежит одно из интересных открытий в трудной области междугрупповых взаимоотношений кавказских языков (а именно: сопоставимая в абхазо-адыгских и картвельских языках роль словообразовательного префикса *m-/ma-*, образующего в обеих группах имена от глаголов и реже — от других имен).

М. А. К у м а х о в остановился на вкладе Н. Ф. Яковлева в изучение фонетики абхазо-адыгских языков в описательном синхронном плане (менее удачны у него исторические экскурсы). Н. Ф. Яковлева с полным правом можно считать одним из создателей МФШ. Н. Ф. Яковлев разрабатывал также грамматику абхазо-адыгских языков, главным образом — синтаксис. Большое внимание ученый уделял лексике, где влияние на него Н. Я. Марра особенно ощутимо.

Исследованиям Н. Ф. Яковлева в области лексики было посвящено выступление А. К. Ш а г и р о в а. Н. Ф. Яковлевым впервые а) дана характеристика исконной лексики адыгских языков с точки зрения ее бедности и богатства; б) выделены односложные слова и корни типа *CV*, дана их фонетическая характеристика и определен круг обозначаемых ими понятий; в) односложные корни разделены на самостоятельные и несамостоятельные.

С. М. Х а й д а к о в отметил широкий диапазон знаний Н. Ф. Яковлева, особенно в области фонологии, благодаря чему, в частности, принцип построения алфавитов, разработанный ученым, остается в силе до настоящего времени. Был отмечен также глубокий подход Н. Ф. Яковлева к проблемам общей теории языкознания.

Т. И. Д е ш е р и е в а сконцентрировала внимание на ценном вкладе Н. Ф. Яковлева в области изучения нахских языков, где он известен, прежде всего трудами по грамматике, главным образом — синтаксису¹. Одним из результатов его исследований по прикладной лингвистике является статья «Математическая формула построения алфавита»². Т. И. Дешериева предложила уточнение в написании предложенной ученым формулы, считая целесообразной такую ее запись: $A = (C + \Gamma) - (\pm C' \mp \pm \Gamma') + (0V1)$. Благодаря этой формула приобретает универсальность, т. е. пригодность для применения в языках с различной структурой слога. Было предло-

¹ Н. Ф. Я к о в л е в, Синтаксис чеченского литературного языка, М. — Л., 1940; е г о ж е, Морфология чеченского литературного языка, М., 1960; е г о ж е, Синтаксис ингушского языка (ркп).

² В кн.: «Кульгура и письменность Востока», М., 1928, стр. 41—64.

жено также алгоритмизировать процедуру применения формулы.

Ю. Д. Дешериев отметил, что с именем Н. Ф. Яковлева — одного из крупнейших кавказоведов и лингвистов-теоретиков — связан целый период в исследовании горских иберийско-кавказских языков. В итоге почти 30-летней деятельности на поприще кавказоведения он создал и опубликовал фундаментальные труды, посвященные почти всем уровням структуры ряда иберийско-кавказских языков. Н. Ф. Яковлев являлся одним из ведущих теоретиков и организаторов языкового строительства в нашей стране. Его основные теоретические установки по вопросам фонемы, фонологической системы языка сыграли большую роль в создании письменности для ранее бесписьменных народов и в замене средневековых несовершенных алфавитов более совершенными и удобными для народов СССР. Заслуживают внимания его этнографические исследования (особенно очерки об ингушах). Н. Ф. Яковлев чутко относился к подготовке научных кадров. Творческий путь Николая Феофановича, — сказал в заключение Ю. Д. Дешериев, — был тернистым, как и любого большого ученого. Не всегда сопутствовала ему удача. Имели место промахи, заблуждения. Но он всегда оставался страстным, влюбленным в свое дело, принципиальным исследователем.

На заседании подчеркивалась необходимость изучения творческого наследия Н. Ф. Яковлева, целесообразность издания его неопубликованных работ. В заключительной части заседания выступили С. М. Хайдаков с сообщением «К вопросу об образовании личного спряжения в дагестанских языках» и А. К. Шагиров с сообщением «Этимология адыгейского глагола *пшьэрыгъан* „готовить пищу“».

Т. И. Дешериева (Москва)

*

С 10 по 21 января 1972 г. в Можжинке (под Москвой) проходило совещание по формальной морфологии и словообразованию, в котором приняли участие сотрудники Института языкознания АН СССР, Института русского языка АН СССР, Лаборатории машинного перевода МГПИИЯ им. М. Тореза и Института прикладной математики АН СССР. Совещание было организовано Проблемной группой по экспериментальной и прикладной лингвистике, созданной в 1969 г. по решению Бюро ОЛЯ АН СССР при Институте русского языка. По форме организации и научному содержанию совещание явилось продолжением 1-й лингвистической зимней школы, кото-

рая проводилась в Москве — Дилижане в 1970 г.¹

Основной целью совещания было обсуждение принципиальных сторон формальной модели русской морфологии и создание системы правил глагольного словоизменения. Для глагола должна была быть решена задача автоматического получения любой словоформы от любой лексемы, которая применительно к имени решалась в брошюре Н. А. Еськовой, И. А. Мельчука, В. З. Санникова «Формальная модель русской морфологии. 1. Формообразование существительных и прилагательных» (М., 1971)². На входе данной модели находится глубинно-морфологическое представление (ГМП) словоформы, из которого в результате серии последовательных переходов должна быть получена реальная словоформа в орфографической записи. ГМП глагольных словоформ (исходные задания) включают имя лексемы, записанной в форме инфинитива, и набор конкретных значений глагольных словоизменительных категорий (характеристику). Кроме того, указываются морфологические признаки, характеризующие данную лексику как целое, т. е. необходимые для образования всех возможных форм (эта часть называется синтактикой). В состав синтактики глагольной основы вводятся, например, такие признаки, как переходность, обязательное наличие *-ся* (ср. *смеяться*), некоторые сведения о способе образования видов у данной лексики, указания на нестандартность или неполноту парадигмы (например, «только сов. в.» при лексеме *хлынуть*, «нет 1 л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл.» при *победить*), указание на тематичность — атематичность основы.

На основе исследования возможной и обязательной сочетаемости значений переменных морфологических признаков был составлен список правильных, т. е. реализующихся в русском языке ГМП глагольных словоформ. Примером правильного ГМП с минимальным набором признаков в характеристике (синтактика опущена) может служить *делать* инф., несов., возвр., из которого по правилам должна возникнуть словоформа *делаться*.

Система переходов от ГМП к конкретной словоформе предусматривает следующие шаги: переход от ГМП к цепочке морфем с упорядочением их в линейной последовательности; переход от каждой морфемы к представляющему ее морфу; постановка ударения; выполнение морфонемных преобразований; переход

¹ Сообщение об этом см. в сб. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», 13, М., 1970.

² Первоначально эта модель описания была разработана И. А. Мельчуком на материале венгерского и испанского языков.

к орфографическому виду словоформ.

Поскольку русской морфологии, и особенно глагольной, в большой степени свойственна фузионность, уже при формулировании правил перехода от ГМП к цепочке морфем приходилось решать достаточно сложные задачи. Представление о характере принимавшихся решений может дать следующий пример.

Какой набор морфем необходим для реализации синтетических личных форм изъявительного наклонения? Как и в другие глагольные словоформы, в словоформы этой группы входят морфемы: «основы» (она равна либо корню, либо словообразовательной основе глагола и в этом случае бывает неодноморфемна), темы (она представлена в тематических глаголах, причем при соответствующих условиях на морфном уровне тема может целиком усекается), вида (см. ниже) и возвратности (в случае страдательного залога). Специфическую часть морфемного состава словоформ изъявительного наклонения, по принятому решению, составляют либо морфема {изъяв. прош.} + одна из морфем. {число. род} (в ряду: (с)делал — (с)делали), либо одна из морфем {изъяв. непроч. число. лицо} (в ряду (с)делаю — (с)делают). Таким образом, ряд признаков был объединен в означаемом «слитных» морфем, так как каждый из них в отдельности — отдельно изъявительное наклонение, отдельно прошедшее время и т. д. — не имеет своего означаемого, и было признано нецелесообразным вводить здесь морфемные «нули», выделяя дополнительные морфемы. Кроме того, в модели реализовано уже выдвигавшееся в литературе положение, согласно которому система русских времен строится на противопоставлении прошедшего/непроч. прошедшего времени герср. соответствующих морфем.

В правилах перехода от морфем к морфам были учтены разные типы отношений между морфемами одной морфемы. Если один морф может быть выведен из другого — представляющего — по правилам чередований, то выбор регулируется условиями применимости этих чередований. В других случаях устанавливаются условия распределения двух и более представляющих морфов (например: *ym/am* {изъяв. непроч. мн. 3}, *л/а* {изъяв. прош.}, *са/св* {возвр.}, *тв/ти/чъ* {инф.}).

В качестве морфов одной морфемы в модели рассматриваются тематические элементы. Указание о выборе соответствующего морфа записывается в синтактике глагольной основы, если глагол не является атематическим и если он не образует обе видовые формы при помощи суффикса (типа *вскрикнуть* — *вскрикивать*), который, присоединяясь, приносит с собой тему. В правилах отражены регулярные мены тем. Темам свойственны

также определенные чередования. Таким образом, авторы не идут по пути приписывания глаголу двух основ, но выводят все вариации глагольной основы из одной.

Правила постановки ударения строились на основе следующих предпосылок. Глагольная словоформа с точки зрения акцентуации трехэлементна: основа — тема — флексия. Ударение может быть постоянным — на основе (а), флексии (b), теме (d) — или подвижным (с). В описании глагольного ударения Н. А. Еськовой были введены три подпарадигмы: I — личные формы непроч. времени и пов. наклонения, действ. причастия и деепричастия несов. вида; II — личные формы и действ. причастия прош. времени, инфинитив и деепричастия сов. вида; III — страд. причастия прош. времени. Ср., например, *заву́бить* — *1с2d3а* (подвижное в I подпарадигме; на теме — во II, на основе — в III) и *дела́ть* — схема а во всех трех подпарадигмах.

В программу совещания были включены также вопросы, касающиеся места словообразования в системе последовательных переходов от смысла к тексту. Обсуждался конкретный вид правил словообразовательного синтеза, их соотношение с системой лексических функций, с одной стороны, и системой словоизменения, с другой.

Граница между словообразованием и словоизменением внутри создаваемой модели была проведена так, что к словоизменению были отнесены все обязательные для определенного морфологического класса единицы формы, характеризующиеся регулярными отношениями в области означаемого. Поэтому в словоизменении как залоговые рассматриваются лишь формы актива/пассива; как видовые — формы, связанные лишь видовыми отличиями. Глагольные образования с префиксами, вносящими вместе со значением сов. вида менее регулярные значения, порождаются в словообразовании и в морфологию поступают в качестве основ, обладающих внутренней перфективностью; «непассивные» глаголы с аффиксом *-ся* также приходят из словообразования как обладающие внутренне присущей им возвратностью.

Возникающая при таком подходе потребность в понятии «внутренне присущего вида» не ограничивается, однако, лишь префиксальными глаголами. Признак наличия того или другого «внутренне присущего вида» введен в модель в качестве классификационного признака глаголов. Выделены четыре класса: внутренне перфективные (исходный сов. вид. — *заработать/зарабатывать*, *решить/решать*; внутренне имперфективные (исходный несов. вид) — *делать/сделать*; внутренне перфективно-имперфективные — *кажнить*; не имеющие внутренне присущего вида — *вскрикнуть/вскрикивать*.

Эта классификация задает условия применимости различных правил видообразования в конкретных лексемах. Она отражает также тот важный со структурной точки зрения факт, что в определенных группах словоформ — сов. или несов. вида соответственно у разных глаголов — отсутствует «отдельный» морф для выражения вида, в то время как противоположный вид у тех же глаголов обычно включает аффикс вида. В описание структуры первой группы словоформ И. А. Мельчук предложил ввести поня-

тие мегаморфа, т. е. морфа, означающее которого «покрывает» означаемые двух морфем. Особый подкласс составляют глаголы типа *реши́ть* — *реша́ть*. Мена тем здесь, по мысли И. А. Мельчука, может быть подведена под общеморфологическое понятие конверсии.

Итогом совещания было создание предварительного варианта описания формальной морфологии русского глагола.

Е. В. Красильникова (Москва)

CONTENTS

Articles: R. A. B u d a g o v (Moscow). A contribution to the theory of syntactic relations; **Discussions:** G. V. K o l š a n s k i j (Moscow). The functions of paralinguistic means in language communication. N. I. Ž i n k i n, V. N. S o b o l e v, L. N. K h r o m o v (Moscow). The work of the larynx while pronouncing intervocalic voiceless stops in Russian; L. V. B o n d a r k o, L. A. V e r b i c k a j a (Leningrad). On phonetic characteristics of post-accentuated inflections in modern Russian; **Materials and notes:** L. P. D u l s o n (Tomsk). The origin of case-affixes in the Altaic languages; L. A. G i n d i n (Moscow). Problems of antique balkanistics; B. B. K h o d o r k o v s k a j a (Moscow). The root-type perfect and the structure of the verbal root in Latin; L. N. M a k a r o v a (Kirov). Contribution to the history of affricates in Russian; **Linguistics in Union Republics:** S. K. K e n e s b a j e v, A. T. K a i d a r o v (Alma-Ata). The Kazakh linguistics during 50 years; **Reviews; Scientific life.**

SOMMAIRE

Articles: R. II. B o u d a g o v (Moscou). Contribution à la théorie des relations syntactiques; **Discussions:** G. V. K o l š a n s k i j (Moscou). Fonctions des moyens paralinguistiques dans la communication linguistique; N. I. Ž i n k i n, V. N. S o b o l e v, L. N. K h r o m o v (Moscou). Le travail du larynx pendant la prononciation des occlusives sourdes intervocaliques en russe; L. V. B o n d a r k o, L. A. V e r b i c k a j a (Léningrad). Caractéristique phonétique des flexions post-accentuées en russe moderne; **Matériaux et notices:** A. P. D o u l z o n (Tomsk). L'origine des affixes des cas dans les langues altaïques; L. A. G i n d i n (Moscou). Problèmes de balkanistique antique; B. B. K h o d o r k o v s k a j a (Moscou). Le parfait radical et structure de racine verbal en latin; L. N. M a k a r o v a (Kirov). Contribution à l'histoire des affricates en russe; **Linguistique dans les Républiques Fédérées:** S. K. K e n e s b a j e v, A. T. K a i d a r o v (Alma-Ata). Linguistique kazakh pendant 50 ans; **Comptes-rendus; Vie scientifique.**

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, хорошо обработанные литературно и подписанные автором. И текст, и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон.

2. Объем статьи не должен превышать 24 стр., объем рецензии — 15 стр. машинописи.

3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам.

4. При ссылках (в тексте и сносах) необходимо придерживаться порядка: автор, название книги или статьи, название издания (для статьи), заключенное в кавычки, место издания, год издания, страницы. (Страницы, определяющие границы статьи в издании, указываются лишь в критико-библиографических обзорах.)

5. Все примеры на иностранных языках должны быть снабжены переводами. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их — в кавычках.

6. Все формулы и буквенные обозначения величин должны быть четко выполнены чернилами (следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами).

7. Рисунки должны быть тщательно выполнены тушью; чертежи, сделанные карандашом, не принимаются. Не рекомендуется загромождать рисунок ненужными деталями; все надписи должны быть вынесены в подпись, а на рисунке заменены цифрами или буквами. На полях рукописи указывается место рисунка, а в тексте делается на него ссылка. Фотографии принимаются в двух экземплярах (второй для редакции и ретушера в качестве контрольного). При изготовлении клише величина оригинала уменьшается в два-три раза, поэтому фотографии должны быть четкими и контрастными. Фотографии, выполненные в малом размере и нечетко, не принимаются. На обороте каждого рисунка должны быть проставлены фамилия автора, заглавие статьи и номер рисунка. Статью не следует перегружать графическим материалом.

8. Непринятые рукописи, как правило, не возвращаются.

9. Статьи, опубликованные или направленные в редакции других журналов, не принимаются (за исключением раздела «По страницам зарубежных журналов»).

The Editorial Board of the journal «Voprosy Jazykoznanija» is deeply obliged to the Publishing Houses who send us their books for review. The Editorial Board announces that it cannot guarantee the reviewing of all the books received at the Editorial office. The critiques will be published according to the possibilities of our journal. Two offprints will be sent to the Publishers. Books received are not sent back.

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 30/X-1972 г. Т-01208 Подписано к печати 10/I-1973 г. Тираж 7130 экз.
Зак. 1340 Формат бумаги 70×108/16 Усл. печ. л. 14,0. Бум. л. 5,0. Уч.-изд. л. 16,0

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10